

Васильев Б. А.
 «А зори здесь тихие...»
 6. Краснодар — Краснодарский
 краевой драматический театр
 им. М. Горького
 7. режиссер: Баранов К. Р.
 художник: Мактинов Ю.
 музыкальное оформление:
 Родыкин Т.

Премьера - 12 нояб. 1971
 Уточнил - "Советская Кубань", 1971, 11 нояб.

ПРИКОСНИСЬ СЕРДЦЕМ К ПОДВИГУ...

Спектакль «А зори здесь тихие...» в постановке Краснодарского краевого драматического театра имени М. Горького

БЫЛ МЕСЯЦ МАЯ.
 В сырые ночи старшина Васков улавливает на западе тихое уханье артиллерии, с востока ветер приносит оха разрывов — немцы бомбят Беломорско-Балтийский канал и Кировскую железную дорогу; где-то далеко на севере ищут друг друга подводные лодки и противолодочные катера, в южные Ленинград залечивает раны своей первой бомбовой атаки.

Гул войны не глухой 171-й разведки, в прах разбомбленных гитлеровцами, казалась, выживавшая со всех сторон, и старшина Васков, участвовавший еще в финской, хмурится, мрачнеет, шлет тревожные рапорты с просьбой отпустить его за передовую. Но начальство помнит об оскладе, вытесненном из старшинского плача, к тому же и фашисты про разведку не забывают, кружат зачем-то ежедневно над развалинами подполковника.

И назначает старшину Васкова — военного человека с таким несомненным диме-

лем — Федот Евграфыч — командантом пагулаза, в котором остается, дескать, кое-какое имущество. А для остроты немощи детчиков под начало старшине придется на великий случай два отдаленных девчат-зенитчиц...

Растерялся тридцатилетний Васков, увидев девичью кудри под пилотками: привык он быть по-уставному суровым, привык с бойцов своих требовать беспрекословности: война идет смертельная. А как тут вести себя, когда бойцы — бойцы! — девчонки, едва-едва из-под маминых крылышек выбившиеся?

Таких и выискиваются старшина Васков, когда смотрит самые первые картины спектакля. Вверенные ему зенитчицы оказались шумливыми, задиристыми, языком острыми. Деликатно Ю. Федоту Евграфычу (его играет Б. Завологина) приходится теперь в великой оглудой каждый свой шаг ступать — девчата то башки и неосознанном месте ор-

ганывают, то постирушку за-теют, то на казенном брезенте загорят под воспеваемым солнцем воздушюют...

Картины эти первые, как и начальные главы повести В. Васильева, пронизаны милым, неброским, непритязательным юмором. Усердный службист старшина Федот Васков (таким он, по крайней мере, нам сначала видится — словно бы с точки зрения веселых зенитчиц, только что прибывших на разведку) потерял почву под ногами. Но за этой его растерянностью в игре Завологина угадывается душевная чуткость, милость, приподнятая недовольство большого характера; пока еще едва-едва просматривается перед нами натура цельная, по-сифирису молотилна, основательная.

НЕСЛЫШНО, неторопясь, исподлобья выражает в спектакле одна из основных его мыслей. Вызревает она из этих вот обманных представлений обычных людей, свидетелей, которых делают нас автор повести В. Васильев и режиссер К.

Баранов, — странным, противоестественным по сути образом, катается по сути своей военных будней...

«Авартию лупать» на всех восьми столах по пролетарской теории ночным самолетам зенитчиц, а днем устраивают непрекращающиеся постирушки... Девчата, может быть, даже неосознанно для самих себя, пытаются отстраниться от неестественного для них, но всеобщего и всепоглощающего военного ритма, порываются уйти от него в темой знакомый и привычный мир человеческих радостей и забот. Они живут воспоминаниями о прошлом — о семьях своих, о любимых, о суженых.

Но война обручает их со смертью.

«А зори здесь тихие...» — повесть и спектакль — произведения деленные от одного бы то ни было пацифизма. Основная идея их — жизнеутверждающий гуманизм.

У артистел, сидящих сегодня в зале, — солдат Великой Отечественной и у тех, кто родился через годы после нее, — сердца заходятся от шепчущей тоски. — Когда жи-

дешь девчат, взятых в руки винтовки, — женщин, которым природа на роду написала быть хранительницами священной отни — жизни, но которые ради этой самой жизни — для того, чтобы отстоять свое право существовать и радоваться всему сущему в мире, — вынуждены сейчас воевать и умирать.

Мысль о картинке и картинке все более проясняется. Как они не хотят умирать, эти девчонки, идушие любви, и молодые женщины! Захлестнутый болью старшина Васков, человек по-крестяцки снороватый, по-мужски основательный, немногословный, лишь однажды позволяет душевной скорби выплеснуться наружу. Не мог, не в силах он был уберечь от смерти своих бойцов, дочерек, девчонок-зенитчиц...

А потом, когда мир обуздал, будет понятно, почему умирать приходилось? Почему я фрицев этих дальнего не пустил, почему такое решение принял? Что ответишь, когда спросит: что ж это вы, мужики, мам наших от пули защитить не могли?

Что ж это вы со смертью их оженили, а сами целенько?
 Каким горем напоен в этом маленьком мовологе голос Завологина! Но не только горем — в нем страстное недо-дование, в нем крепнущая сила, в нем пламенная воля и желание — отомстить, отомстить во что бы то ни стало!

УМИРАЛИ доушки — все дятло, с кем вышел Васков на поиски дисперсатов, — погнали, чтобы не пропустить десятников и Беломорско-Балтийскому на-валу. В спектакле, как и в повести, нет отвлеченных рассуждений и деклараций. Правда жизни, правда военных будней выражена в нем через образы, воздействующие на нас с необъяснимой силой.

Над плазми, исневеренными совсем соседками, над бурным ледяным месом, над дымящей пушью, над гнилым газом трясинной вымет-нутой и пропавшей предместий крик Лины Врчичкой. Все свои девятидцать лет прожила Лизка-Лизавета в востере-ливом предчувствии «ослепительного счастья». Начальная итаганно полюбил она стар-шину Васкова, и артистка Е. Вратновская строго и бережно раскрывает целомуд-

реннее чувство своей героини. В немом отчаянии пла-дущая над мрачной толькой ее белые руки, высвеченные со-фитом, — и чем измерить тот тлев, чем наполнить в эти мгновения людей, сидящих в зале?

Прикоснуться сердцем к подвигу — значит не только понять, ради чего умирали герои, но и научиться любить и ненавидеть так же сильно, как умели ненавидеть они.

Метит за всех своих родных, расстрелянных фашистами, рынеюлся красавица Лина Комелькова. Сильная, гордая героиня у Л. Дубининой, Слонимой и многостран-ный характер создает артист-на — ей удается быть внешне веселой и озорной, но боль и скорбь, спрятанные под смехом, иногда прорыва-ются, напоминая собой все же существо.

Живет, затнута ремком-на самую последнюю дырочку, младший сержант Рита Осянина (артистка А. Кузнецова). Семидеять дней державалась, заставля ее муча — красного командира, погра-ниченника. А потом смыслила... И Рита научилась ненавидеть — тихо и беспощадно.

Тоненькая вничка протя-нулась от нее в наше сегодня — сын Алик. Через много лет проберется он с потерян-ным рубку Федотом Евграфы-чем в дебри болотные, чтобы найти могилу матери. Жалко,

что не пошла эта спела, на-сыщенная пафосом высокой глубинистости, в нисценитро-вую повесть...

Сдержанной в серьезной, но в то же время паупенной поэтичностью предает перед нами Соня Гуляч в исполнении И. Станевич. Во-дника музыцизма, совсем еще юная, Галл Четвертак (артистка В. Коваль) несет в себе характер человека по-сторейного, аналитического.

Вольная нагрузка легла в этом спектакле на художника Ю. Лактишова. Его декора-ции, выполненные с поэтиче-ским юмором, образны и алогичны. Верно характери-зуют гармонизмальные тона, сопровождающие их (ав-тор музыкального оформле-ния Г. Рывкин).

Многое не вошло в спек-таиль на повести. Остались за пределами театральной сцены емкие, тонкие, живые периоды авторской речи. Вне развития сюжета оказались боковые ходы, многое при-близяющее и вешнее поим-манию героев. Но институт режиссера К. Баранова и артистам главное — удалось им стать на верную дорогу в поисках того чудесного спива, который ищет каждый подлинный художник-творец, — славла высокой художест-венности и живой публици-стичности.

Ю. МАКАРЕНКО.

«СОВЕТСКАЯ КУБАНЬ»
 г. Краснодар
 1971. — 23 НОЯБРЬ